

УДК 94 (470.1/2) |1868|

ГОЛОД 1868 ГОДА В СЕВЕРНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ КРИТИКА ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ

О. В. Кочукова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Статья посвящена малоизвестному эпизоду в истории пореформенной России, вызвавшему определенный общественный резонанс. Голод в Архангельской и Новгородской губерниях в 1868 г. был первым масштабным локальным голодным бедствием после 1861 г. Автор статьи приходит к выводу, что голод стал одним из социальных факторов, повлиявших на начавшийся процесс переосмысления опыта либеральных реформ, и, прежде всего, отмены крепостного права. В статье рассматривается реакция местной администрации на события, связанные с голодом, показана роль Комиссии для пособия голодающим под председательством великого князя Александра Александровича.

Ключевые слова: голод, крестьянская реформа 1861 г., либеральные реформы, Архангельская губерния, Новгородская губерния, Н. А. Качалов, Ф. А. Доброленский (Кирилл), великий князь Александр Александрович, Комиссия для пособия голодающим.

The Famine of 1868 in the Northern Provinces of Russia and Public Criticism of Liberal Reforms

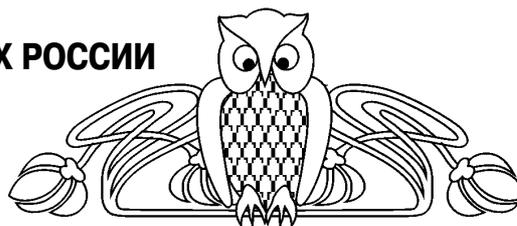
O. V. Kochukova

The article is devoted to a little-known episode in the history of post-reform Russia, which has caused a certain public outcry. Famine in the Arkhangelsk and Novgorod provinces in 1868 was the first large-scale local disaster after 1861. The author concludes that the famine was one of the social factors that influenced the ongoing process of rethinking the experience of liberal reforms, and, above all, the abolition of serfdom. The article deals with the local administration reaction to the events associated with famine, shows the role of the Commission for the starving benefits under the chairmanship of the Grand Duke Alexander Alexandrovich.

Key words: famine, peasant reform of 1861, liberal reforms, Arkhangelsk province, Novgorod Province, N. A. Kachalov, F. A. Dobrolensky (Cyril), Grand Duke Alexander Alexandrovich, Commission for the starving benefits.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-167-171

Истории голода в России посвящена специальная исследовательская литература. Применительно к дореволюционному периоду наиболее изученным является голод 1890-х гг.¹, но локальные голодные бедствия случались достаточно часто, и одним из наиболее показательных для новых исторических условий после отмены крепостного права был голод 1868 г. в северных губерниях России (главным образом, Архангельской). Примечательно, что этот голод даже не упоминается, например, в фундаментальном исследовании по социальной истории

Б. Н. Миронова². Между тем на основании только опубликованных источников можно выявить причины, масштабы и последствия голода 1868 г.

Именно вследствие того, что этот голод был первым масштабным локальным голодом после 1861 г., он вызвал пристальный интерес современников и был одним из ранних социальных факторов, повлиявших на начало становления критической традиции в осмыслении либеральных реформ 1860-х гг., и прежде всего крестьянской.

Характерно и то, что сохранившиеся исторические свидетельства (мемуарные, эпистолярные, газетные публикации) исходят от лиц, занимавших разные социокультурные уровни, и потому дают основу для реконструкции созданных современниками различных способов и моделей осмысления причин голода и методов борьбы с ним. Эти различия определяются в зависимости от социального статуса, уровня образования, политического мировоззрения, сферы профессиональной деятельности. Наиболее основательно фактическая сторона событий нашла отражение в воспоминаниях председателя губернской новгородской управы Н. А. Качалова, принимавшего активное участие в борьбе с голодом³; в мемуарных записках архимандрита Пертоминского монастыря Кирилла (в миру Ф. Л. Доброленского)⁴; в письмах князя В. П. Мещерского, входившего в специальную комиссию по борьбе с голодом; в материалах прессы конца 1860-х гг.⁵

Самую яркую картину голода, непосредственное описание ситуации «изнутри», встречаем в воспоминаниях архимандрита Кирилла. Свои записки о голоде он составил в 1871 г., а в 1882 г. лично передал их в редакцию «Русской старинь», где они и были опубликованы в двух номерах за 1888 г.

В январе 1868 г. Кирилл (Феофан) Доброленский получил назначение на должность настоятеля Пертоминского монастыря в Архангельской губернии. Прежде он служил в Волынской и Смоленской губерниях, а к новому месту службы отправлялся в расстроенных чувствах, ибо «ни в адрес-календаре, ни в святцах не могли даже отыскать имени того монастыря, куда должен был поступить в настоятели»⁶. Как только архимандрит Кирилл разместился в отведенном ему доме, напротив окон увидел человека, умершего от голода. Возникло гнетущее ощущение: «Голод усилился до того, что умирают люди, шедшие в монастырь за пропитанием»⁷. На следующий день он узнал о новом несчастном случае. В близлежащей деревне крестьянин умер от голода, а его жена, испуганная голодной смертью,

схватила на руки своего восьмилетнего ребенка и отнесла в монастырь, оставив на скотном дворе⁸. Так новый настоятель монастыря узнал о том, что с самого начала зимы 1867/1868 г. монастырская братия постоянно кормила всех голодных, приходивших в монастырь за пропитанием. Но средства монастыря уже не позволяли ему выполнять традиционную благотворительную роль. В связи с этим в монастыре стали возникать опасения, что отказ в пособии голодающему населению мог вызвать у отчаявшихся людей решимость разграбить монастырь⁹.

В воспоминаниях архимандрита Кирилла немало страниц, оразивших его первоначальный ужас. «Вид их производил в высшей степени тяжелое впечатление. Изможденные, с потухшим взором, таковы были они. Тупость и какое-то ожесточение проглядывали в их речи»¹⁰. Пищей крестьянского населения многих деревень Архангельской губернии в это время служил хлеб из особого состава муки. Это были олений мох и солома с крыш собственных домов с небольшой примесью ржаной муки. Такая мука имела вредное воздействие на организм. Некоторые умирали уже не от голода, а после того, как их кормили настоящим хлебом в монастыре¹¹.

Вопросы, которые требовали безотлагательного решения, были связаны как с поиском причин создавшегося положения, так и необходимых мер помощи голодающему населению. В зависимости от уровня обладания информацией, современники предлагали разные способы объяснения причин голода. Первый способ исходит от непосредственных очевидцев, пытавшихся оценить ситуацию «изнутри». Так, архимандриту Кириллу голод представлялся явлением «естественным», «традиционным». В его записках присутствует ссылка на географический и природно-климатический фактор (поздняя и холодная весна 1867 г., заморозки летом, скудость рыбных и зверобойных промыслов – традиционных источников крестьянского товарообмена). В таком объяснении голод рассматривается как обычное эпизодическое явление, а его автор еще не предполагает возможности конкретной ответственности за произошедшее со стороны каких-то социальных сил. Тем не менее настоятель монастыря все-таки заметил, что главная особенность ситуации заключалась не в самом факте неурожая, а в отсутствии к зиме 1867/1868 г. достаточных запасов хлеба. Последнее замечание подвигало вплотную к постановке вопроса об ответственности местной администрации.

Другой способ объяснения причин голода можно встретить, обратившись к газетным публикациям за 1868 г. Так, в газете «Голос» встречаем следующее рассуждение: «Что такое голод? Это голод в Архангельской губернии, из портов которой сотни тысяч пудов хлеба отправляют за границу... В каждой стране вывозится за пределы ее только избыток, а не то, что необходимо для ее собственного употребления, для того, чтобы в ней самой, в этой стране, собственный народ не умирал с голоду. В каждой стране, наконец, собственный продукт

стоит дешевле, чем после вывоза его за границу, а наш хлеб продается в Англии дешевле, чем в Твери или Орле, мимо которых он проехал. Давно уже не вывозили мы за границу столько пшеницы, ржи и прочих хлебных зерен, давно уже не лилось с таким изобилием иностранное золото в карманы русских купцов и землевладельцев»¹². В данном случае причины голода связывались с вывозом хлеба в Европу, то есть здесь уже на первом месте оказываются социальные факторы. Автор газетной публикации предпринял очень внятную попытку трактовать голодное бедствие не как традиционное и обычное явление, а, напротив, принципиально новое, связанное с обстоятельствами становления капитализма. Голод, таким образом, рассматривался как следствие обурявшей общество страсти к наживе; а реалии «свободного рынка» объединялись в сознании современников с последствиями либеральной экономической парадигмы, взятой на вооружение с конца 1850-х гг. группой «либеральных бюрократов».

В некоторых публикациях прессы была предпринята попытка связать голод не только с новыми социальными реалиями, но и с деструктивными явлениями в общественном сознании. Так, например, в обзоре за 1868 г., написанном Л. И. Розановым, читаем: «Зная всю степень нужды бедствующего народа, скупали хлеб и задерживали его продажу, чтобы возвысить его в цене, и кровью и жизнями, может быть, сотен людей – нажиться! Мелкие личности, составляющие списки нуждающихся, брали взятки с тех, кого записывали. На станциях железных дорог хлеб, назначенный для продовольствия нуждающимся, лежал недели и месяцы, и прел и гнил под открытым небом! А над всем этим раздавался крик, что голодает народ от того, что спился и распустился после своего освобождения от крепостной зависимости»¹³.

Но ни авторы газетных публикаций, ни архимандрит Кирилл, непосредственно наблюдавший ситуацию, не могли заметить еще одну немаловажную, если не основную, причину голода, связанную не столько с социальной ответственностью либо злонамеренностью каких-то сил (купцов, помещиков, государственной администрации), сколько с определенной непродуманностью в самой стратегии крестьянской реформы 1861 г. Почему в неурожайный год не оказалось достаточных запасов продовольствия? Ответить на этот вопрос можно было, только обладая необходимой информацией о том, как обеспечивались мероприятия по борьбе с голодом в неурожайные годы до 1861 г. и какие изменения принесла с собой отмена крепостного права.

Именно такая постановка вопроса оказалась в центре внимания специальной комиссии по борьбе с голодом, созданной в 1868 г. под председательством великого князя Александра Александровича. К работе в комиссии были привлечены земские общественные деятели-практики. Среди них был Н. А. Качалов, уделивший впоследствии сюжету о голоде 1868 г. немало страниц в своих воспоминаниях.

Н. А. Качалов занимал различные должности на государственной службе и выполнял разнообразную деятельность в общественной сфере: был предводителем белозерского дворянства в Новгородской губернии (с 1854 г.), председателем Новгородской губернской земской управы (с 1865 г.), архангельским губернатором (1869–1870) и директором Департамента таможенных сборов Министерства финансов (1870–1882). Значительное влияние на формирование политических взглядов Н. А. Качалова оказали, во-первых, близкое знакомство с непосредственной реальностью и повседневностью государственной и общественной жизни в провинции и, во-вторых, сближение (по рекомендации князя В. П. Мещерского) с сформировавшимся в конце 1860-х гг. окружением наследника престола, великого князя Александра Александровича. На вечерах у Александра Александровича, которые устраивал В. П. Мещерский, Н. А. Качалов имел возможность встречаться с К. П. Победоносцевым, Д. А. Оболенским, В. А. Черкасским, М. Н. Катковым, И. С. Аксаковым. В 1868 г. Качалов вошел в комиссию под председательством цесаревича Александра Александровича для оказания помощи голодающему населению северных губерний, пострадавших от неурожая, а в 1869 г. принял участие в сопровождении путешествия великого князя по России. Таким образом, в конце 1860-х гг. Н. А. Качалов оказался вовлеченным в особую политическую среду формирования умеренно консервативного переосмысления реформаторского курса «либеральной бюрократии». В этой среде была актуализирована мысль о неизбежности и необходимости корректировки преобразований, «сочиненных» в либерально настроенных петербургских бюрократических сферах, которую нужно было провести исходя из конкретных потребностей и проблем государственной и общественной повседневности.

Объективно критика Качаловым либеральных реформ представляет интерес с точки зрения обнаружения реформаторских рисков, действительно имевших немалое общественное значение. Наиболее ярко это проявляется на страницах его «Записок», посвященных подготовке и проведению в жизнь крестьянской реформы 1861 г. Сама необходимость отмены крепостного права была для Качалова несомненно ясной. Причем в понимании причин крестьянской реформы он обнаружил глубину мышления, поставив на первое место экономические аспекты крепостного права, связанные не столько с известным постулатом о превосходстве вольнонаемного труда (постулат этот неоднократно оспаривался как современниками, так и исследователями¹⁴), сколько с экономическими последствиями использования подневольного труда (отсутствие необходимости для помещиков рассчитывать себестоимость производимой сельскохозяйственной продукции и, как следствие, занижение цен на нее и отсутствие стимулов к интенсификации производства)¹⁵. Но как раз экономическое содержание предстоящего преобразования, по мнению Качалова, отступило

на второй план перед различными политическими соображениями: «Сочувствующая реформе партия, несомненно, состояла из людей честных, умных и желающих пользы России, но люди эти не знали экономического положения государства, страстно стремились к совершению этой великой реформы и, раздражаемые противодействиями, имели в виду только во что бы то ни стало провести эту реформу, и работали, имея в виду только политическую сторону дела, а экономическую ставили на второй план»¹⁶.

Отрицательные экономические последствия крестьянской реформы Качалов напрямую связывал с изначально неправильной установкой реформаторов, стремившихся, прежде всего, к осуществлению идеала крестьян – поземельных собственников и потому настроенных скорее на разрыв многообразных исторически сложившихся связей и взаимодействия крестьянского и помещичьего хозяйств. По мнению автора «Записок», эти связи, напротив, следовало внимательно понять и сохранить либо продумать пути их замены какими-то более модернизированными формами и отношениями. «При существовании крепостного права, – писал Качалов, – помещики из собственных интересов наблюдали, чтобы главная доходная статья, крестьяне, имели свое хозяйство в исправности, ... выгода всегда заставляла помещика каждому из своих крепостных приискать соответственное дело, чтобы каждый приносил пользу, и потому при крепостном праве производительность рабочего населения была полная»¹⁷. С отменой крепостного права исчезла полная занятость крестьянского населения, а помещики столкнулись с проблемой обработки барщинных земель, вместе с тем, исчезли из жизни такие элементы социального попечительства в крепостной деревне, как запасные хлебные магазины и общественные запашки. Итог в глазах мемуариста оказался весьма плачевным: «По случаю непростительного невнимания к экономической стороне крестьянской реформы, помещиков разорили, крестьян освободили от крепостной зависимости от помещиков, но отдали в горшную зависимость от кулаков, которые имеют в виду только личную наживу», ибо «крестьяне знают, что, кроме кулака, нигде уже не получают помощи»¹⁸.

В главе воспоминаний Н. А. Качалова, посвященной его земской службе, есть специальный раздел «Вопрос о народном продовольствии». В этом разделе поставлен вопрос о том, кто нес социальную ответственность в случае возникновения угрозы голодного бедствия и какие меры обеспечивали борьбу с голодом до 1861 г., и как изменилась ситуация после отмены крепостного права. Н. А. Качалов подчеркивал, что до крестьянской реформы правительство не принимало никакого участия в организации специальных мер по борьбе с голодом, так как ответственность в этом отношении традиционно возлагалась на помещиков, городские управления и ведомства государственных имуществ и уделов. Два основных средства противостояния последствиям неурожая представляли собой запасные хлебные магазины и общественные запашки. Эти

социальные институты фактически исчезли вместе с отменой крепостного права. После 1861 г. надзор за запасными хлебными магазинами, которые прежде управлялись специально избранными из дворянской среды смотрителями, был передоверен сельскому и волостному начальству. На практике это привело, по наблюдениям Н. А. Качалова, к тому, что хлебные магазины были вообще разобраны и новые сборы зерна для хранения больше не производились. По этому поводу Качалов замечал: «С уничтожением крепостного права сняли с помещиков и управлений государственных имуществ и уделов обязанность по обозначению народного продовольствия и в то же время разрушили самое существенное пособие: запасные магазины и общественные запашки»¹⁹.

Таким образом, наблюдения и размышления земского деятеля Н. А. Качалова подводили к вопросу о непродуманных последствиях и деталях крестьянской реформы 1861 г. и обнаруживали тему о глубинных и многогранных связях помещичьего и крестьянского хозяйств, которые не всегда были правильно поняты реформаторами, вследствие чего поспешно разрывались, в то время как не были разработаны механизмы их замены. В таком случае голод в Архангельской губернии можно рассматривать как одно из последствий ликвидации попечительских функций, которыми обладали до отмены крепостного права помещики.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о поиске мер по борьбе с голодом со стороны местной администрации. Последняя столкнулась с необходимостью чем-то заменить исчезнувшую дореформенную систему «хлебных магазинов». Показателен тот факт, что на этот процесс оказали влияние либеральные экономические постулаты: была предпринята попытка заменить прежнее натуральное обеспечение голодающего населения денежным эквивалентом. К решению вопроса были привлечены земства, которым передавались определенные денежные суммы. По данным Н. А. Качалова, на миллионное население Новгородской губернии выделялось 150 тысяч рублей²⁰. Такой механизм оказания помощи голодающим на практике совершенно не работал, так как в голодные годы цена на хлеб резко возрастает, соответственно, денежные компенсации обесцениваются. Некоторые земские деятели в связи с этим предлагали в будущем отказаться от идеи денежного эквивалента и восстановить практику «хлебных магазинов», передав их в ведение земств, и ввести для их формирования натуральной сбор по четверти ржи и по четыре четверти овса на ревизскую душу²¹.

Вообще же реакция местной администрации на события, связанные с голодом, была продиктована, кроме всего прочего, и несомненным желанием по возможности скрыть саму ситуацию, как от вышестоящих властей, так и от общественности. Так, по словам архимандрита Кирилла, губернская администрация, «стараясь отклонить от себя вину, уверяла власть и общество, что голод существует только в воображении некоторых лиц». Бурная

общественная деятельность архимандрита Кирилла, стремившегося привлечь деятельное сочувствие общественности, рассылавшего статьи о голоде по местным и столичным периодическим изданиям, вызвала резко враждебную реакцию со стороны властей. Настоятеля монастыря вызвали к губернатору, князю Гагарину, который заявил: «Статья ваша выставляет положение населения в слишком грустном виде, но это совсем не так, голода совсем нет... вы своими заявлениями ставите начальство в затруднительное положение»²².

В связи с этим представляет интерес описание посевной весной 1868 г. в деревнях близ Пертоминского монастыря, сделанное архимандритом Кириллом. Поскольку семян у крестьян не было, монастырь занимался их покупкой и раздачей, но местное начальство в бумажной отчетности представило дело в совершенно ином виде, как будто именно оно-то и облагодетельствовало жителей. Мало того, в адрес крестьянских старшин пришло распоряжение уведомить попечительное уездное начальство о том, каковы всходы семян, розданных от начальства. Архимандрит Кирилл по этому поводу записал: «Старшины видели ложь, фальшь, обман, которыми их хотели опутать, передавали о том своей же братии и с тем вместе делились бумагами со мною, сообщая мне копии таковых распоряжений»²³. В данном случае напрашивается вывод о влиянии поведения местной администрации в период неурожая и голода на падение авторитета государственной власти в глазах крестьянского населения. Нелицеприятная действительность содействовала укреплению в общественном мнении образа мелкого чиновничества, чуждого интересам местного населения, полубразованного, жадного и безынициативного.

Примечательно и то, что само открытие Комиссии для сбора добровольных пожертвований и пособия голодающим под председательством цесаревича Александра Александровича вызвало «оскорбление» многих высокопоставленных чиновников, и особенно – министра внутренних дел П. А. Валуева. По словам Н. А. Качалова, в глазах министра, деятельность комиссии означала признание того факта, что «министерство не может справиться с делом, составляющим главнейшую его обязанность»²⁴. В дневнике П. А. Валуева есть запись от 28 февраля 1868 г.: «Между тем, Комиссия в Аничковом дворце продолжает свои подвиги, и в них за кулисами одну из главных ролей играет Качалов»²⁵.

В самой Комиссии для пособия голодающим были внутренние разногласия. Одна ее часть настаивала на соблюдении всех формальных правил, а другая – считала возможным действовать с применением энергии, риска и инициативы. Такие качества потребовались для организации и проведения особого рода коммерческой операции на хлебном рынке, проведенной, к тому же, в обстановке секретности. Целью этой операции было обеспечить присутствие на рынке достаточного количества хлеба по возможно сниженным це-

нам. Фактически это означало целенаправленное «сбивание цен». Закупки хлеба были произведены на специально выделенные средства: по личному распоряжению императора Александра II министр финансов передал в распоряжение цесаревича, возглавлявшего Комиссию, один миллион рублей. После реализации хлеба по «удержанному» курсу цен деньги были возвращены в казну, и цель снижения цен была достигнута²⁶. В сущности, мероприятия Комиссии по борьбе с голодом в 1868 г. можно рассматривать как одну из первых попыток регулирования рынка в условиях, когда экономические постулаты о «невидимой руке рынка» входили в противоречие с общественным и государственным стремлением к поддержанию социальной стабильности.

Исторические обстоятельства, связанные с голодом 1868 г. в северных губерниях России, а также особенности их общественного восприятия ярко демонстрируют сложность и неоднозначность социальной рецепции реформаторского процесса. Общественная критика крестьянской реформы 1861 г. и реалий рыночных экономических отношений выявляла «слабые звенья» либеральных преобразований, но в то же время и все мероприятия, направленные на борьбу с голодом, были возможны только в условиях формирующихся элементов гражданского общества (роль прессы и общественности во всех перипетиях общественной борьбы в этот период нельзя недооценить).

Примечания

- ¹ См., напр.: *Ермолов А. С.* Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892; *Он же.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909; Влияние неурожаев на народное хозяйство России / под ред. В. Г. Громана. Л., 1927; *Хок Стивен Л.* Голод, болезни и структура смертности в приходе Борщевка, Россия, 1830–1912 // Социально-демографическая история России XIX–XX вв. Современные методы исследования. Тамбов, 1991; *Нефедов С. А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005; *Растяжников В. Г., Дерюгина И. В.* Урожайность хлебов в России. 1795–2007. М., 2009.
- ² См.: *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – нач. XX вв. М., 2010. Гл. 9. Питание, здоровье и биологический статус населения.
- ³ См.: *Качалов Н. А.* Записки тайного советника. М., 2012.
- ⁴ См.: *Архимандрит Кирилл (Доброленский).* Воспоминания о голоде на севере России в 1868 г. // Русская старина. 1888. Т. 57, № 1; № 2.
- ⁵ См.: *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868 / сост., публ., вступит. ст. и коммент. Н. В. Черниковой. М., 2011.
- ⁶ *Архимандрит Кирилл (Доброленский).* Воспоминания о голоде на севере России в 1868 г. // Русская старина. 1888. Т. 57, № 1. С. 64.
- ⁷ Там же. С. 65.
- ⁸ Там же. С. 67.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 71.
- ¹¹ Там же. С. 71, 72.
- ¹² Голос. 1868. № 22. С. 2.
- ¹³ *Розанов Л. И.* Обзорение 1868 года. URL: az.lib.ru/rozanow/text_1868_obozrenie/html (дата обращения: 20.11.2016)
- ¹⁴ См., напр.: *Миронов Б. Н.* Крепостное право: рациональный институт или бесспорное зло? // Крепостное право и его отмена. История и современность: материалы семинара 17 декабря 2004 г. в Санкт-Петербурге. СПб., 2005; *Кочукова О. В.* «Справедливость требует спросить самих крестьян»: опыт диалога либеральных реформаторов с крестьянами накануне реформы 1861 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 17–18.
- ¹⁵ *Качалов Н. А.* Указ. соч. С. 228–230.
- ¹⁶ Там же. С. 264.
- ¹⁷ Там же. С. 268–269.
- ¹⁸ Там же. С. 269.
- ¹⁹ Там же. С. 344–345.
- ²⁰ Там же. С. 345.
- ²¹ Там же. С. 346–347.
- ²² *Архимандрит Кирилл (Доброленский).* Воспоминания о голоде на севере России в 1868 г. // Русская старина. 1888. Т. 57, № 2. С. 421.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Качалов Н. А.* Указ. соч. С. 395.
- ²⁵ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 186, 249.
- ²⁶ *Качалов Н. А.* Указ. соч. С. 398–402.

Образец для цитирования:

Кочукова О. В. Голод 1868 года в северных губерниях России и общественная критика либеральных реформ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 167–171. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-167-171.

Cite this article as:

Kochukova O. V. The famine of 1868 in the Northern Provinces of Russia and public criticism of liberal reforms. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 167–171 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-167-171.